

АССОЦИАЦИИ: ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ

Речевое поведение человека ассоциативно. Ассоциации наполняют нашу речь массой нюансов, влияющих на выбор языковых средств при порождении высказывания. Семантически тождественные и противоположные связи между словами, отношения сходства и различия, отношения вхождения и соположения, присущие языковым единицам, предлагают говорящему целое ассоциативное меню смыслов, вынуждают его искать адекватную мысли форму выражения. Но каждый язык ассоциативно организован по-своему. Можно предполагать о существовании национального ассоциативного образа, в основании которого находится система представлений об организации мироустройства. «Природа, разумеется, системно организована, в ней всё взаимосвязано и взаимообусловлено, но момент классификации... вносит в неё человек. И важно подчеркнуть: каждый язык представляет своё классификационное начало — в соответствии со своим онтологическим взглядом на мир» [8, с.29].

Ассоциации являются одним из действенных маркеров постижения языка как продукта «творчества народного духа» [2], как формы, в которой, по словам Вайсгейбера, «содержится особое мировоззрение» [цит. по 2]. При этом популярные психолингвистические методики способны в концентрированном виде представить ассоциативную составляющую национальной языковой картины мира. Языковая картина мира в нашем понимании — это не только вербализованные представления об окружающей действительности и принятых нормах поведения. Это ещё и устоявшиеся в обществе ассоциативные нормы, отражающие многообразие прямых и опосредованных семантических связей. «Каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. И в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке» [7, с. 63].

Конечно, представление о языковой картине мира нации можно получить непосредственно от наблюдения за семантикой слов, от поведения их в тексте. При этом языковая картина мира нации ярко проявляется при сравнении с иным национальным восприятием действительности. Так, у русских и белорусов зооморфное значение слова *корова* определяет неповоротливую физически крупную женщину, то есть слово обладает несомненной отрицательной ассоциативной коннотацией: «*Корова ты, Машиа, всё у тебя падает, бьётся*». А вот для жителей Андорры корова символизирует недостаток и преимущественно аграрный путь развития страны, но не природную глупость и медлительность, которыми русская народная молва наделяет животное. Вот почему на гербе Андорры можно увидеть изображение двух коров. В турецком языке слово *inek* «корова» имеет ещё и жаргонное значение «трудолюбивый учащийся, зубрилка».

Белка у славян вызывает, скорее, положительные ассоциации (косвенное подтверждение тому — название конфет «Белочка»). Впрочем, и тут не

всё однозначно: в психиатрии для «белой горячки» есть профессиональный жаргонизм *белочка*). А вот футбольные власти Бенина решили отказаться от старого прозвища национальной сборной — «белки». Министерство спорта страны объявило, что считает его обидным и намерено сменить. «В прошлом году нас просили об этом в парламенте. Нас упрекали в том, что в качестве прозвища мы выбрали животное, которое убегает, когда чего-то боится. Мы собираемся предложить правительству вариант «встающие пантеры», — сказал министр спорта Бенина. Сборная Бенина получила прозвище «белки» в 1965 году. Его придумал национальный лидер, который объяснил свой выбор тем, что белка — маленькое животное, которое способно взбираться очень высоко. В последние 3 года в Бенине ведутся постоянные дискуссии на эту тему» (Прессбол, 2010, 9.10).

Ещё пример. Русским и белорусским девушкам не понравилось бы, если бы их ухажёры, желая им польстить, сравнили их с лошадьё: восточные славяне так характеризуют трудолюбивого человека, но не женскую красоту. А вот турецкие студенты говорили, что их девушки остались бы довольны, если бы их по красоте уподобили лошади.

Интересным также представляется способность личных имён быть представителем ассоциативного образа нации. Не секрет, что именная не только формируется традициями данной этнокультуры, но и сам формирует наше эстетическое восприятие языка, его национального репертуара: лёгкое, привычное для одной нации имя для другой может превратиться трудно выговариваемой комбинацией звуков. Любопытный пример: одна наша соотечественница в Турции, хорошо владевшая турецким языком, изучала историю османской музыки. И вот после лекции она сказала своему коллеге-турку: «У них были такие трудные имена, что я ужаснулась! Как я буду их запоминать? Сафиутдин Абдульмумин Урмеви — немыслимо!» На что её соотечественник ответил: «А разве ваши имена лучше? Пётр Ильич Чайковский!»

Как считают исследователи личных имён, «сформировавшиеся обычаи и традиции воспринимаются молодым поколением в порядке бессознательного подражания. Вместе с обычаем, традицией формируется и так называемый консенсус, общее единодушное мнение о том, как именно следует поступать человеку, чтобы не нарушить их. Нарушение их, умышленное или неумышленное, ведёт к принятию определённых санкций, выражающихся в той или иной форме неодобрения» [4, с. 93-94]. Добавим, что входящий в чужое языковое поле также обязан поддерживать консенсус речевого поведения, но при этом его ассоциативные реакции совсем не обязательно будут совпадать с общепринятыми в этом поле.

Сравнение различных проявлений культурных традиций и языковых способов выражения даёт, конечно, богатый материал для уяснения картины мира и менталитета народов. Однако существует и «внутреннее» расслоение языковой картины мира нации, принадлежащее разным поколениям и эпохам и даже представителям одного поколения, но разного уровня образования и воспитания. Языковая картина мира наиболее ярко обнаруживается при смене социального устройства или технических достижениях. Целые поколения вынуждены приспосабливаться к новым реалиям. Ещё в начале XX века

человечество удивляли аэропланы или телефонные аппараты. Люди, родившиеся, скажем, в начале прошлого века, с течением жизни вдруг обнаруживали, что масса слов и понятий, составлявших когда-то обязательную часть их представления об окружающем мире, куда-то исчезла, растворилась в прошлом. Об этом великолепно сказал Арсений Тарковский в стихотворении «Вещи»:

Всё меньше тех вещей, среди которых
Я в детстве жил, на свете остаётся.
Где лампы-«молнии»? Где чёрный порох?
Где чёрная вода со дна колодца?
Где «Остров мёртвых» в декадентской раме?
Где плюшевые красные диваны?
Где фотографии мужчин с усами?
Где тростниковые аэропланы?
Где Надсона чахоточный трёхдольник,
Визитки на красавцах адвокатах,
Пахучие калоши «Треугольник»
И страусова нега плеч покатых?
Где кудри символистов полупьяных?
Где рослых футуристов затрапезы?
Где лозунги на липах и каштанах,
Бандитов сумасшедшие обрезы?
Где твёрдый знак и буква «ять» с «фитою»?
Одно ушло, другое изменилось,
И что не отделялось запятою,
То запятой и смертью отделилось...

Всем поколениям присуща печаль по ушедшим приметам прошлого, каждое поколение может составить свой перечень ушедших «вещей». Однако даже тоска по прошлому не лишает людей способности приспособливаться к новым реалиям, использовать невозможные ранее в языке словосочетания, за которые ещё лет двадцать-тридцать назад легко можно было оказаться в сумасшедшем доме: «Я буду рыбачить на озере, но ты мне позвони»; «У меня уже рука замёрзла с тобой разговаривать»; «Я случайно стёр «Евгения Онегина»; «Ты получил письмо, которое я послал тебе десять минут назад?»; «Скинь мне фотки на мыло»; «Извини, что не отвечал: я телефон дома забыл»; «Мне надо сегодня мозгов себе докупить»; «Положи мне деньги на трубу»; «Давай подарим им домашний кинотеатр»; «Я Вторую мировую за немцев проиёл»; «Посчитай на телефоне»; «Воткни мне зарядку, а то у меня батарейка села»; «Пети нет дома, он в армии. Позвоните ему туда»; «Я послал тебе утоптанную «Войну и мир» (то есть архивированную); «Мы с Петей вчера весь вечер квакали» (играли в игру «Quake»); «Я целый день топтал батоны» (нажимал на кнопки компьютера); «Купил себе новую мышь, а она зависла» и т.д. Как мы видим, меняется семантика слов, меняются их ассоциативные связи, происходит расширение границ ассоциативных полей и смена ассоциативных норм поведения.

Однако новые социальные условия жизни и технический прогресс приводят не только к обновлению лексикона и возникновению словосочетаний, невозможных ранее. Эти изменения в языковой комбинаторике составляют

важный, но лишь поверхностный слой более глубоких ассоциативных изменений. Происходит ломка привычных ассоциативных стереотипов мышления, замена их новыми стереотипами. В наиболее концентрированном виде их можно обнаружить, анализируя ассоциативные словари.

Уяснению языковой картины мира способствуют элементы ассоциативных полей слов-стимулов, структура которых иерархична по частоте входящих в них ассоциаций. Частотная иерархия ассоциаций является закономерным следствием соположения слов в текстах. В свою очередь, текстовое соположение слов — это результат актуальности соотнесения их значений. Мы полагаем, что в языке есть 3 типа актуальности лексического ассоциирования [5].

Первый тип основан на постоянстве соположения (встречаемости) двух слов в текстах. Это основной ассоциативный фонд языка, неотъемлемая его часть в течение длительного периода существования языка. Реализуя первый тип ассоциативной актуальности, многие носители языка стандартно и, в определённом смысле, независимо друг от друга реагируют на слова-стимулы. Эта стандартность отражается в получении ассоциаций, которые становятся постоянной составляющей ассоциативного поля (АП) слова: они актуальны вне зависимости от происходящих в обществе изменений. Существенным их признаком является высокая частота в АП слова (хотя иногда она лишь следствие второго типа ассоциативной актуальности). Высокочастотные ассоциации свидетельствуют о существовании системы ассоциативного реагирования, в которой проявляются свойственные нации общие закономерности лексического ассоциирования. В таких реакциях отражаются и детали языкового образа мира, в них отражены традиционные формы поведения, как акционального, так и вербального.

Другим признаком первого типа ассоциативной актуальности является наличие в нём ряда элементов, которые Ю.Д. Апресян назвал характерными для данного языка лингвоспецифичными концептами, обладающими двумя свойствами. Первое состоит в том, что «они являются «ключевыми» для данной культуры (в том смысле, что дают «ключ» к ее пониманию)». Второе свойство заключается в плохой переводимости этих слов на другие языки: «переводной эквивалент либо вообще отсутствует (как, например, для русских слов *тоска, надрыв, авось, удаль, воля, неприкаянный, задушевность, совестно, обидно, неудобно*), либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными (таковы, например, русские слова *душа, судьба, счастье, справедливость, пошлость, разлука, обида, жалость, утро, собираться, добираться, как бы*)» [1]. Высокочастотные ассоциации и лингвоспецифичные концепты составляют «золотой фонд» языка, поддерживающий стабильность ассоциативного образа, свойственного нации. Однако даже этот фонд способен меняться в каких-то деталях.

Так, одним из «ключевых концептов» для русских давно стало понятие «интеллигент», этокое сугубо русское изобретение с иноязычными корнями. Произошедшие в русском обществе в начале 20 века социальные потрясения привели к изменению ассоциативного поля этого слова и к сдвигу ассоциа-

тивных представлений о нём. По словам Солженицына, интеллигентами в советское время стали все те, кто получил образование выше семи классов. Однако (даже принимая во внимание горькую иронию писателя) «тестовый характер современного образования» приводит к тому, что современные выпускники средней школы зачастую не приобретают устоявшихся в обществе с давних пор ассоциативных связей, основанных, к примеру, на текстовых реминисценциях. Так на вопрос экзаменатора, кому принадлежат слова «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», первокурсница уверенно ответила: «Чапаеву». Как оказалось, она даже не слышала об Ильфе и Петрове, но что-то «слышала» о жизни Чапаева.

Как отмечают исследователи, язык репрезентирует знаки культуры и служит выразителем основных установок культуры [7, с. 62]. Так, в турецком обществе понятие *bayram* 'праздник' содержит принципиально иные культурные установки, чем, к примеру, понятие *свята* у белорусов. Если для белорусов *свята*, в первую очередь, ассоциируется с *Першамай* 89, *вялікае* 63, *Кастрычнік* 40, *Новы год* 18, *урачыстае* 9 (Цітова, 1981, 141), то для турок *Bayram* ассоциируется с *şeker* (сахар, конфеты) 85, *tatil* (отпуск, каникулы) 81, *sevînc* (радость) 75, *ziyaret* (встреча) 51, *mutluluk* 47 (счастье), *şenlik* (веселье) 37, *neşe* (радость, веселье) 27, *Kurban* (Курбан Байрам) 26, *aile* (семья) 25, *eğlence* (развлечение) 24, *akraba* (родственники) 22, *el öpmek* (поцеловать руку) 17, *para* (деньги) 17, *birliktelik* (единение) 16, *Ramazan* (Рамазан) 13, *kalabalık* (толпа) 10, *birlik* (единство) 9, *gelenek* (традиция) 9, *el öpme* (целование руки) 9 [данные готовящегося к печати словаря ассоциативных норм турецкого языка, см.: 6].

Для белорусов 2 реакции — *Першамай* и *Кастрычнік* — можно признать отражением устаревшей картины мира, характерной для конца XX в. Эти реакции уже не подпадают под первый тип актуальности ассоциирования. Принципиальные отличия лексического ассоциирования турок основаны на иной картине мира, складывающейся, в первую очередь, из представления о традициях, являющихся актуальными в течение длительного периода развития турецкого общества. Так, первая реакция *şeker* отражает традицию угощать конфетами детей, даже незнакомых, обходящих дома в главные религиозные праздники. По этой же причине появилась и реакция *para* (деньги): часто вместе с конфетами детям дают деньги, так что в конце их хождения набирается весьма приличная сумма. Ярко представляет турецкую картину мира и реакция *el öpme*: обычай целовать руку старшего, оказывая ему этим уважение, сохраняется в турецком обществе до сих пор.

Обращают на себя внимание названия двух главных для турецкого общества праздников *Kurban Bayram* и *Ramazan*: это как раз те духовные ценности, которые остаются незыблемыми при смене поколений и эпох. Эти реакции являются ключевыми ассоциациями турецкой культуры, отражающими ментальность нации.

Второй тип ассоциативной актуальности основан на резкой, внезапной актуализации реакций на какое-то слово как следствие экстралингвистических воздействий: условия, места, времени проведения эксперимента, произошедших важных изменений в обществе, в мире. Это может быть отклик

на политическое или общественное событие, техническое или спортивное достижение, появление нашумевшего романа, кинофильма, музыкального произведения и т.д. Со временем событие может утратить злободневность, новизна реакции стирается и вообще может быть сведена к минимуму в сознании носителей языка. Такие связи слов ассоциативно нестабильны, поэтому принадлежат, скорее, к периферии ассоциативного значения слова, несмотря на то что их частота иногда высока. Так, в АП слова *beyaz* (белый) турки записали имя популярного в первое десятилетие XXI века в Турции шоумена *Beyazıt Öztürk* 19; в АП слова *dağ* (гора) на первом месте стоит ассоциация *Erciyes* 121: если бы ассоциативный эксперимент проводился не в Кайсери, который расположен у подножия вулкана Эрджнес, а в другом турецком городе, то частота этой реакции была бы существенно ниже.

Белорусы в середине XX века на стимул *вуліца* 18 раз записали *Леніна*; на стимул *гадавіна* 162 раза записано *Кастрычніка*; в АП слова-стимула *грамадзянін* зафиксированы реакции *СССР* с частотой 301, *БССР* 16 — все эти примеры заставляют задуматься над тем, что идеологически окрашенные ассоциации временны и принадлежат ко второму типу ассоциативной актуальности. Тогда же на стимул *год* 79 раз записали *1970*; в АП слова-стимула *месяц* на первом месте оказалась реакция *май* 229 — частота последних 2 реакций объясняется исключительно временем проведения эксперимента. Интересно, что на стимул *выдатна* 34 раза была записана ассоциация *пяць*, оказавшаяся в первой пятёрке по частоте: ныне шкала оценок иная, поэтому современные белорусские учащиеся отвечали бы по-другому [10, с. 28, 31, 38, 36, 71, 29].

Наконец, третий тип ассоциативной актуальности связан с той периферийной частью АП, где располагаются индивидуальные реакции с низкой частотой. Индивидуальное ассоциирование часто основано на личных воспоминаниях, переживаниях как отражении индивидуальной картины мира. Так, в славянском ассоциативном словаре 2004 года в ответ на белорусский стимул *дача* дважды записана реакция *проблема*; на стимул *мужчына* один раз записано *Дзіма*; в ответ на стимул *дурань* по разу записано *студэнт ПТУ* или *што я нарабіў* [9, с. 94, 158, 102].

Турки в ответ на стимул *yazar* (писатель) по разу ответили *Gorki*, *Puşkin* и почему-то *Çaykovskiy*: имена классиков русской литературы и музыки появились в ответах турецких русистов, тогда как остальным туркам такие ответы не свойственны.

При всём различии трёх типов ассоциативной актуальности вместе они предстают как часть национальной картины мира и входят в понятие национального менталитета, которые складываются в результате длительного исторического процесса развития языка и культуры народа в целом и не должны представляться как постоянное свойство языка и культуры данного народа [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: в 2-х т. — М., 1995.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М., 1984. — С. 324-326.

3. Гухман, М.М. Лингвистическая теория Л. Вейсгербера / Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. — М., 1961. — С. 123–162.
4. Ивашко, В.А. Как выбирают имена. — Минск, 1980.
5. Калюта, А.М. «О некоторых стереотипах коммуникативного поведения турок (этнокультурный и психолингвистический аспекты)». POLLOG. Studia neofilologiczne № 1. — Słupsk. — 2011. — S. 191–204.
6. Kalyuta, A. Словарь ассоциативных норм турецкого языка: национально-культурный компонент. 38 ICANAS. "Dilbilimi, dilbilgisi, dil eğitimi". Ankara, Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, cilt 2. — S. 867–883. — Türkiye, 2011.
7. Маслова, В.А. Лингвокультурология. — М., 2001.
8. Норман, Б.Ю. Грамматика говорящего. — Санкт-Петербург, 1994.
9. Уфимцева, Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. — М., 2004.
10. Цітова, А.І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы. — Мінск, 1981.